

ГРАФЪ М. М. СПЕРАНСКІЙ.

РОДИЛСЯ 1 ЯНВАРЯ 1772 Г., УМЕРЪ 11 ФЕВРАЛЯ 1839 Г.

1 января 1872 г., въ день выхода настоящей книги, русское общество празднуетъ столѣтній юбилей дня рожденія одного изъ славнѣйшихъ мужей нашего отечества. «Русская Старина» вноситъ лепту въ общую сокровищницу воспоминаній, которыми чтутъ сегодня русскіе люди память достойнѣйшаго изъ своихъ согражданъ.

Предлагаемые нами матеріалы состоятъ: 1) изъ неизданныхъ философскихъ отрывковъ, изъ сочиненія, надъ которымъ трудился Сперанскій въ 1830-хъ годахъ. Собственноручные эти отрывки, вмѣстѣ съ прочими бумагами Сперанскаго, пожертвованы въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1857 г. дочерью покойнаго графа, нынѣ покойною Е. М. Фроловою Багрѣвой. Въ числѣ тѣхъ же бумагъ находятся богословскіе отрывки, подробный дневникъ путешествія Сперанскаго по Сибири, съ 1 марта 1819 года по 8 февраля 1821 г., и большое собраніе писемъ. Дневникъ и письма вошли въ роскошное изданіе особаго сборника, который подъ непосредственною редакціею академика А. Ѳ. Бычкова — выйдетъ на дняхъ въ свѣтъ. Сборникъ изданъ издвѣніемъ Императорской Публичной Библіотеки; 2) кромѣ философскихъ отрывковъ, весьма обязательно намъ сообщенныхъ А. Ѳ. Бычковымъ, мы представляемъ нѣкоторыя данныя, не безынтересныя для біографіи Сперанскаго. Онѣ сообщены Ф. В. Каразиннымъ и П. И. Савванитовымъ. Ред.

Происхожденіе понятія объ отношеніяхъ человѣка къ самому себѣ. Есть движенія, въ коихъ человѣкъ властенъ, есть другія, въ коихъ онъ не властенъ.

Но власти нѣтъ, гдѣ нѣтъ повиновенія.

Слѣдственно есть обязанность и есть необходимость въ дѣяніяхъ человѣческихъ.

Отсюда первыя понятія объ отношеніяхъ человѣка къ самому себѣ. Это есть отношенія власти и обязанности.

Есть дѣянія, въ коихъ человѣкъ властенъ и въ коихъ онъ самому себѣ можетъ повиноваться.

Понужденіе и побужденіе. Понуждать есть представлять необходимость—страшить разрушеніемъ бытія.

Побуждать есть возбуждать желаніе добра.

Сильное побужденіе есть то же, что и повелѣніе (*jussum*). Здѣсь существо повелѣвающее есть идея добра.

Когда сіе повелѣніе есть сообразно съ бытіемъ и пользою другихъ, когда оно уравниваетъ ихъ съ нами, когда предметъ его равно безобиденъ и взаимно и слѣдовательно предполагаетъ добрую ихъ волю и согласіе, когда въ подобномъ случаѣ и мы готовы изъявить имъ равное согласіе, тогда сіе побужденіе есть *jussum ex aequo* или просто *just.*

Слѣдовательно въ правѣ есть двѣ стихіи: 1) я имѣю побужденіе; моя воля возбуждена, я желаю (свобода естественная); 2) я желаю того, что не вредитъ никому, желаю того, что я дозволилъ бы и другимъ, если бы они того же пожелали прежде меня, желаю не стѣснять ихъ свободы и готовъ то же сдѣлать равно и для нихъ.

О побужденіяхъ. Чтобъ видѣть, должно смотрѣть; чтобъ смотрѣть, должно вникать; чтобъ вникать должно хотѣть, должно быть побужденнымъ; чтобъ быть побужденнымъ, должно обратить вниманіе; чтобъ внимать, должно хотѣть; чтобъ хотѣть, должно имѣть побужденіе и такъ далѣе—кругъ безконечный; гдѣ остановиться?—на побужденіи—побужденіе не предполагаетъ вниманія, какъ актъ воли, но предполагаетъ внимательность, какъ свойство души всегда отверстое, какъ склонность въ вимѣненію всегда дѣйствующую. Я не потому внимаю побужденію, что хочу ему внимать: но если бы я и не хотѣлъ внимать: то не могу не внимать, я внимаю ему по необходимой силѣ моей: внимательность всегда готова, всегда отверста къ воспріятію побужденій. Тутъ есть физическая необходимость.

Разсмотримъ послѣдствія сей необходимости, изслѣдуемъ ея силу. Внимательность моя занята побужденіемъ; но такъ-ли она имъ занята, объята или наполнена, чтобъ мнѣ не оставалось никакой власти надъ собою, чтобъ побужденіе совершенно мною обладало, чтобъ воля моя не могла не желать.

Есть побужденія сильныя, непреодолимыя и есть слабыя; есть состоянія души, въ коихъ и самыя сильныя побужденія не дѣйствуютъ, и есть другія, въ коихъ и самыя слабыя становятся непреодолимы.

Слѣдовательно не всякое побужденіе обладаетъ внимательностію и не во всякомъ состояніи оно можетъ быть совершенно обладаемо.

Но отъ чего побужденія одни бываютъ сильны, другія слабы—отъ чего состоянія души бываютъ различны?

Два міра окружаютъ душу и дѣйствуютъ на нее непрерывно.

Внимательность ея непрестанно обращена въ двѣ стороны, во внѣшнюю и внутреннюю—сія послѣдняя именуется отраженіемъ, reflexio.

Никогда внѣшнее побужденіе не приходитъ, не возбудивъ внутренняго, ему соответствующаго или противоположнаго. Нѣтъ для нея простыхъ побужденій—всѣ сложны; внѣшнему міру всегда есть нѣчто соответствующее во внутреннемъ, и какъ одинъ звукъ всегда побуждаетъ свою квинту, такъ и въ побужденіяхъ.

Отсюда происходитъ сила или слабость побужденій. Если побужденія міра внѣшняго и внутренняго согласны: тогда сложная сила ихъ бываетъ нарочита и неопределима; напротивъ она бываетъ слаба, когда побужденіе внѣшняго міра противно внутреннему.

Самосозерцательность. Слѣдовательно необходимое дѣйствіе побужденія на внимательность тогда только производитъ необходимое движеніе воли, когда побужденіе объемлетъ совокупно оба ея конца: внутренній и внѣшній.

Внимательность въ человѣкѣ, всегда отверстая ко внѣшнимъ и внутреннимъ побужденіямъ, всегда бываетъ освѣщена разумомъ, то есть, склонность къ измѣненію состояній всегда неразлучна со способностію предвидѣть послѣдствія измѣненій и отношеній ихъ къ благу или злу.

Долгъ. Двѣ есть свободы: свобода отъ принужденія; свобода отъ обязанности.

Та и другая свобода является не въ желаніи добра общаго, но въ выборѣ добра опредѣленнаго. Коренное свойство воли есть: 1) желать вообще добра; 2) быть свободнымъ въ выборѣ особенно опредѣленнаго добра. Быть свободнымъ нетокмо отъ принужденія, но и отъ обязанности.

Она свободна отъ принужденія, когда побужденіе къ выбору опредѣленнаго добра находится не въ чувствахъ, но въ разумѣ или въ согласіи съ разумомъ.

Она свободна отъ обязанности внѣшней, когда желаетъ добра для себя, а не для другихъ.

Она свободна отъ обязанности внутренней, когда желаетъ добра для самого добра, а не для пользы; когда желаетъ добра совершеннаго.

Слѣдовательно есть два долга: внѣшній и внутренній; первый можетъ быть исполненъ, а второй никогда: ибо никогда человѣкъ здѣсь на землѣ не можетъ достигнуть добра совершеннаго—посему онъ всегда состоитъ въ долгу неоплатномъ.

И отъ сего-то долга неоплатнаго заимствуютъ свою силу всѣ другіе долги платимые.

Посему и совершенной свободн на землѣ быть не можетъ. Воля всегда къ ней стремится, но никогда ее не достигаетъ. Одинъ Сынъ можетъ свободить отъ закона.

Но чѣмъ ближе къ Сыну, тѣмъ ближе къ свободѣ—къ самостоятельности.

Желать добра совершеннаго, есть желать самостоятельности.

Но самостоятельность ведетъ также къ Сыну; онъ есть полнота plenitudo (Malah).

Совѣсть. Совѣсть есть ирреклонность воли, влекущая насъ къ добру совершенному. Все, что способствуетъ сей наклонности принести намъ удовольствіе, рождаетъ въ насъ ощущеніе свободы и достоинства.

Все, что ей противно рождаетъ напротивъ чувство неволи и униженія.

Единство въ троичномъ союзѣ. Въ троичномъ союзѣ есть единство: союзъ съ Богомъ есть отецъ; союзъ съ другими есть сынъ, ибо онъ есть глава единого тѣла; союзъ съ собою есть духъ святой, ибо въ семъ союзѣ человѣкъ есть существо духовное, святое, отдѣльное отъ плоти, всецѣлое.

Ни союзъ съ собою, ни союзъ съ другими, ни союзъ съ Богомъ не возможенъ отдѣльный; ни отецъ безъ сына, ни сынъ безъ отца, ни духъ безъ сына и отца—невозможны.

Долгъ есть стремленіе къ добру совершенному. Стремленіе къ добру совершенному, поколику оно противодѣйствуетъ другому стремленію къ добру чувственному, настоящему, превращается въ долгъ. Если бы не было противодѣйствія: то не было бы и долга.

А какъ сіе противодѣйствіе почти бываетъ непрестанно, то отсюда и долгъ непрерывенъ, постояненъ.

Правда есть чувство долга нашего къ союзу, къ единству, къ достиженію добра совершеннаго.

Не всякой обязанности противопоставляется право. Есть долгъ безъ права.

Синъ различается долгъ неоплатный отъ платнаго.

Воля два имѣетъ существенныя свойства: свободу и обязанность. Свободѣ данъ разумъ, долгу—совѣсть.

О совѣсти. Совѣсть не есть токмо сознаніе добра и зла; но удовольствіе или скорбь, и слѣдовательно внутреннее чувство. Разумъ судить о добрѣ и злѣ, но можетъ судить и безъ чувства. Сила сего чувства опредѣляетъ силу совѣсти. Сіе чувство образуется природою, но усовершеняется подобно другимъ чувствамъ, воспитаніемъ, примѣрами и обстоятельствами жизни.

Не на познаніи разума, но на семь чувствѣ основана нравственность дѣяній. Разумъ ему содѣйствуетъ, но не производитъ. Посему чувство сіе справедливо именуется нравственнымъ.

Сіе-то самое чувство составляетъ обязательную силу тагъ-называемаго закона естественнаго; и сіе самое чувство отличаетъ сужденіе разума о добрѣ и злѣ отъ всѣхъ другихъ его опредѣленій, и посему правильнѣе заимствовать самое именованіе сего закона не отъ того, что въ немъ есть общаго со всѣми другими дѣйствіями разума, но отъ отличія его, отъ силы обязательной, отъ чувства нравственнаго, и слѣдовательно законъ сей должно именовать нравственнымъ, такъ какъ и вообще вся наука законовѣдѣнія принадлежитъ къ порядку наукъ нравственныхъ, а не наукъ естественныхъ.

Отъ сего и самое понятіе законовъ положительныхъ будетъ правильнѣе и точнѣе. Правило въ законѣ положительномъ есть большею частію то же, что и въ тагъ-называемомъ законѣ естественномъ; но обязательная сила не то же. Она не рождается сама собою отъ нравственнаго чувства, но устанавливается, полагается извнѣ, и потому-то и законъ именуется положительнымъ.

Симъ пресѣкаются многія смѣшенія въ понятіяхъ, точнѣе опредѣляются и границы сихъ законовъ и свойства наукъ.

Симъ отсѣкается и то нелѣпное понятіе, что положительные законы не суть законы, челоуѣку естественные, но полагаются однимъ внѣшнимъ произволомъ, тогда, какъ законы сіи основаны на томъ же самомъ разумѣ и слѣдовательно на природѣ, объемлемой въ обширнѣйшемъ ея видѣ, не на отдѣльной ея части, на челоуѣкѣ внѣ общества, но на челоуѣкѣ въ обществѣ, окруженномъ природою.

Начало смѣшенія здѣсь состоитъ въ томъ, что не различали и не познали точно составныхъ частей закона. Назвали отдѣльнымъ закономъ положительнымъ то, что составляетъ токмо часть силы его обязательной. Наприм. постановленіе о наказаніяхъ за убійство назвали закономъ отдѣльнымъ, тогда какъ оно не есть законъ, но часть закона: не убій. Законъ сей по правилу его есть естественный, но по обязательной его силѣ есть положительный.

Сей же самый законъ именуется и закономъ совѣсти и правды (loi de l'équité).

Совѣсть. Я не угадалъ и не предвидѣлъ будущаго, а могъ предвидѣть—терцію зло. Совѣсть упрекаетъ меня въ легкомысліи или въ невѣжествѣ, хотя бы внѣшнія обстоятельства мои и измѣнились. Я внутренно имѣю сознаніе, что я виноватъ предъ собою.

Слѣдственно совѣсть есть чувство, внутреннее сознаніе вины предъ собою въ недосмотрѣ, въ ошибкѣ разчета. Это относится къ

неудачамъ и злу физическому, уже совершившемуся, уже постигнутому. Но и прежде нежели оно постигнетъ, внутреннее чувство объемлетъ страхомъ будущаго, боится, а страхъ есть зло.

Чего же бояться? — Несчастія? — Но если бы я не боялся, не предвидѣлъ несчастія — совѣсть моя молчала ли бы? Но могу ли я не бояться, сдѣлавъ ошибку? Могу. Но могу ли не бояться, расторгнувъ единство, прервавъ союзъ? — Страхъ не есть-ли необходимое послѣдствіе растороженія союза?

Совѣсть обезпечиваетъ разумъ въ измѣреніи взаимности пользы. Что можетъ обезпечить разумъ въ измѣреніи взаимности пользы? — Совѣсть. Совѣсть отдаетъ все за ничто, потому что отдаетъ не чужому, а своему. Самому себѣ.

Совѣсть есть начало вѣры, вѣра есть увѣренность въ пресуществленіи.

Начало истины и правоты. Первый вопросъ при каждомъ измѣненіи души состоитъ въ томъ, есть-ли измѣненіе; второй вопросъ: откуда происходитъ измѣненіе, есть-ли оно мысленное или чувственное, мнимое или дѣйствительное.

Изъ самаго существа перваго вопроса слѣдуетъ, что душа имѣетъ уже понятіе объ истинѣ, когда не можетъ сомнѣваться въ событіи измѣненія. Слѣдственно есть истина въ сознаніи. Изъ втораго вопроса слѣдуетъ, что душа имѣетъ твердое и достовѣрное понятіе о двухъ родахъ состояній, мнимомъ и дѣйствительномъ: иначе не могла бы она искать въ нихъ различія, не было бы и вопроса. Есть-ли же вопросъ представился: то сіе означаетъ, что опыты показавъ ей нѣкоторыя признаки, раздѣляющіе сіи два состоянія, и сила вопроса состоитъ только въ томъ, чтобы найти сіи признаки въ настоящемъ случаѣ. Слѣдственно душа имѣетъ понятіе объ истинѣ формы, или происхожденіи ея измѣненій.

Третій вопросъ: точно-ли то дѣйствительное состояніе, въ коемъ я нахожусь, есть то самое, въ которомъ я прежде находился, и которое называлъ я извѣстнымъ именемъ.

Слѣдственно сила третьяго вопроса есть сравнивать два состоянія души съ тѣмъ, чтобы найти ихъ сходство или несходство, чтобы подчинить ихъ одному или двумъ различнымъ именамъ, есть искать истины. Найти и опредѣлить сіе сходство или сіе различіе есть найти истину.

Доголѣ душа не вопрошаетъ себя, какъ назвать то состояніе, въ коемъ она находится: доголѣ она токмо чувствуетъ, сознаетъ, что она находится въ семъ состояніи и вмѣстѣ чувствуетъ пріятно-ли оно, или непріятно.

Но какъ скоро она сдѣлаетъ себѣ вопросъ, какъ назвать сіе состояніе, она размышляетъ, она ищетъ истины.

Разсмотримъ сперва побужденіе къ сему вопросу.

Оно состоитъ въ томъ, что не назвавъ сего состоянія нельзя перевести его въ сферу мысленныхъ состояній, нельзя себѣ его присвоить и слѣдственно нельзя имѣть признаковъ, чтобъ избѣгать его на будущее время есть-ли оно неприятно, или чтобъ желать его есть-ли оно пріятно. Слѣдственно побужденіе къ вопросу состоитъ въ свойствѣ души переводить чувствуемыя состоянія въ мысленное, чтобъ присвоить ихъ себѣ, чтобъ обладать ими; а побужденіе къ сему обладанію состоитъ въ томъ, чтобы не быть въ рабствѣ внѣшнихъ предметовъ, чтобы не терпѣть состояній по нуждѣ, чтобы имѣть свободу избирать или отвергать состояніе по своему усмотрѣнію, а не подвергаться имъ по случаю; ибо, есть-ли душа ищетъ измѣненій: то ищетъ потому, что хочетъ быть въ нихъ счастливою, слѣдовательно, она ищетъ измѣненій пріятныхъ, а не прискорбныхъ.

Поступимъ теперь къ тому, какъ разрѣшаетъ душа вопросъ сей.

Налагать каждому состоянію новое имя было бы умножать сферу мысленныхъ состояній до безконечности и не быть въ состояніи обнять ихъ соображеніемъ.

Аеорисмы философскіе и юридическіе Самое высокое понятіе, какое можно дать о человѣкѣ и его судьбѣ есть то, что онъ созданъ по образу и подобію Божію.

Тщетны всѣ усилія древнихъ и новыхъ софистовъ найти выраженіе болѣе общее и болѣе объемлющее: всѣ отвлеченія ихъ подобны лепетанію дѣтей; они стоятъ ниже сего начала, и если они не ложны, то необходимо подчинены ему.

Въ человѣкѣ благоволилъ Всевышній явить, выразить, напечатлѣть образъ и подобіе своей неизмѣняемой вѣчности (*absoluti*).

Здѣсь, въ семь образъ и подобія Божіемъ заключаются разумъ, свобода воли и любовь, три силы въ одномъ началѣ бытія всесовершеннаго нераздѣльно соединенныя.

Предметъ разума есть истина, познаніе сущности вещей, то есть познаніе того, что въ вещахъ есть непреложнаго, совершеннаго.

Предметъ воли есть желаніе сего совершенства.

Предметъ любви есть наслажденіе имъ, гдѣ бы оно ни находилось, безъ присвоенія.

Отсюда разумъ и свобода воли или власть надъ собою.

Отсюда безконечныя желанія и стремленіе къ совершенству.

Совершенство въ вещахъ есть истина, въ дѣянiяхъ—правда.

Человѣкъ ищетъ истины, когда ищетъ того, что въ вещахъ есть непремѣннаго среди всѣхъ измѣненiй.

Онъ ищетъ правды, когда ищетъ въ дѣянiяхъ одной общей, неизмѣняемой цѣли. Сiя цѣль есть польза всеобщая безъ всякой примѣся корысти.

Въ немъ начинается перевѣсъ совершеннаго надъ относительнымъ, духа надъ плотiю, вѣчнаго надъ временнымъ, безконечнаго надъ личнымъ.

Сколько естественно человѣку исканiе истины, столько свойственно стремленiе къ правдѣ.

Помраченiе разума и заблужденiе воли не опровергаютъ, но доказываютъ сiя свойства, какъ изъятiе утверждаетъ бытiе правила.

Двойная необходимость: бытiе и счастье, être et bien-être.

Человѣкъ покоренъ двумъ законамъ природы: закону бытiя и закону усовершенiя: онъ хочетъ не токмо быть, но и быть счастливымъ.

Если бы человѣку не были даны силы къ достиженiю совершенства: то не было бы вмѣняемости. Слѣдовательно главный вопросъ:—достаточны-ли сiя силы? — Отвѣтъ:—онъ созданъ съ перевѣсомъ de l'absolu, то-есть, его разумъ можетъ найти истину въ вещахъ и сохранить правду въ побужденiяхъ.

Сiя-то силы и достаточность ихъ выражаются свободою.

Всѣ дѣянiя человѣка получаютъ два направленiя: пользу и добро нравственное.

Польза—добро нравственное съ присвоенiемъ.

Нравственное добро есть польза безъ присвоенiя;—гдѣ я ничтожно.

Степень безкорыстiя есть степень правды.

Склоненiе къ себѣ есть отвлеченiе отъ общаго, есть неравенство, inéquité, — равенство æquum, — оно есть отступленiе отъ главнаго пути, отъ направленiя, отъ правила, отъ правды. — Сiе главное, общее направленiе есть правда, путь прямой, правый.

Онъ правильнымъ или правымъ называется потому, что для всѣхъ общiй; въ немъ всѣ сходятся, conveniunt, путь согласiя, и всѣ вмѣстѣ идти могутъ; тогда какъ всѣ другiе пути непремѣнно расходятся, каждый ведетъ къ своей цѣли. Слѣдовательно для всякаго другаго мой путь не есть правый, истинный, вѣрный: иди имъ онъ непремѣнно отойдетъ отъ своей цѣли и придетъ не туда, куда желалъ, ибо придетъ къ моей цѣли.

Il y a deux sorte de liberté tout-à-fait distinctes: absolue et relative.

Le principe da la liberté absolue est l'indéstructibilité de l'esprit; c'est la liberté des enfans de Dieu.

Le principe de la liberté relative est la prépondérance de la raison sur le sens; de l'absolu sur le relative; de l'infini sur le fini; de la Nature spirituelle, sur la Nature sensitive; prépondérance cependant, qui ne va pas jusqu'au sacrifice de l'existence et qui disparaît en présence de cette nécessité.

Ainsi les actes sont affranchis d'une nécessité relative; mais pas d'une nécessité absolue.

Le contrat social est libre dans le premier sens, mais non pas dans le second.

—
L'homme du temps et l'homme de l'éternité.

—
Добрая нравственность есть согласие права съ долгомъ.
Худая—есть борьба.

—
Какъ желанія образуются посредствомъ свободы; такъ склонности сопровождаются долгомъ.

—
Три состоянія политическихъ:

Подданство.	<table> <tr> <td rowspan="4">}</td> <td>Дворяне.</td> <td rowspan="4">}</td> <td rowspan="4">Власть Самодержавная.</td> </tr> <tr> <td>Духовенство.</td> </tr> <tr> <td>Горожане.</td> </tr> <tr> <td>Сельскіе обитатели.</td> </tr> </table>	}	Дворяне.	}	Власть Самодержавная.	Духовенство.	Горожане.	Сельскіе обитатели.
}	Дворяне.		}			Власть Самодержавная.		
	Духовенство.							
	Горожане.							
	Сельскіе обитатели.							

Крѣпость,—собственность лица { власть вотчинная.
Рабство,—никакой собственности { господство.

—
Les lois de la morale = l'autorité morale.

L'autorité morale = raison universelle.

Les lois Constitutionnelles = основные законы.

Lois administratives = уставы.

Lois politiques = organiques, учреждения.

—
Храни союзъ,—храни обѣтъ = будь тѣмъ сегодня, чѣмъ ты былъ вчера.

— Для чего? — Это условіе сохранения твоего совмѣстнаго бытія и его усовершенія.

Всякій союзъ основанъ на совмѣстномъ бытіи.

Сохраненіе бытія основано на совмѣстности.

Совмѣстность бытія есть уже союзъ.

NB. Le droit est sacré parceque l'existence de l'homme est sacrée.

Каждый союзъ есть видъ союза бытія.

Что истина для разума: то добро—для воли.

Истина есть существо вещей; добро есть устройство и усовершеніе бытія.

Но сохранить и усовершенить бытіе она не можетъ безъ союза.

Слѣдовательно, воля, желая добра, должна желать союза.

Право государственное различается отъ права гражданскаго тѣмъ:

1) Что цѣль его не въ немъ самомъ, но внѣ его.— Оно есть власть, установленная для защиты другой власти.

2) Что оно располагаетъ не своими собственными, но присвоенными ему силами.

3) Что оно само себя защищаетъ и охраняетъ, между тѣмъ какъ право гражданское имъ защищается и охраняется, воспрещая себѣ самоуправство. Право государственное всегда есть власть верховная (*imperium*), а право гражданское есть просто власть (*potestas*).

Между *jus* и *imperium* есть та разность, что *jus* всегда основано на предъидущемъ законѣ, а въ *imperium* законъ предшествуетъ праву; но право самое есть законъ; то-есть, лицо, коему ввѣрено *imperium*, имѣть и власть законодательную; напротивъ *in jure* власть законодательная имѣть свои установленія, различныя отъ власти правительственной.— Слѣдовательно, *imperium* есть соединеніе власти законодательной и правительственной въ одномъ лицѣ:— это самодержавіе.

Для природы есть одно направленіе; для всѣхъ есть два: быть въ союзѣ — и безъ союза. Жить одному, для себя — и жить совокупно, для себя и для другихъ.

Воля имѣть два состоянія: равнодушіе и независимость.— Противоположное первому есть состояніе склонности; второму, — состояніе обязанности. Воля рѣдко бываетъ въ двухъ первыяхъ; чаще въ послѣднихъ, а еще чаще въ первомъ, нежели во второмъ. Правомъ опредѣляется состояніе движеній воли.

Всѣ силы воли суть силы нравственныя; воля имѣть двѣ силы и два состоянія. Одни изъ нихъ содѣйствуютъ въ составленіи правовъ; другія въ образованіи ихъ. Первыя суть: произвольность и свобода; безъ нихъ нѣтъ права.

Вторыя суть обязанности воли.

Каковы обязанности, каково чувство долга: таковъ и нравъ.

Чувство или сознание долга можетъ быть сильно или слабо; самый долгъ можетъ быть истинный или ложный. Слѣдовательно, чтобы нравы были добры, надобно: 1) чтобы долгъ былъ истинный. 2) Чтобы чувство его было сильно, дабы содержать склонности въ ихъ направленіи и отражать противныя побужденія.

Когда и какъ долгъ бываетъ истиннымъ? Долгъ отъ союза; — когда союзъ есть добръ: тогда и долгъ истиненъ.

Союзъ добръ, когда онъ основанъ на любви; — злъ, когда основанъ на самолюбіи: ибо первый союзъ основывается на совмѣстности бытія; второй, — на исключительности; а добро есть сохраненіе бытія.

Афоризмы юридическіе и богословскіе. *La vie de l'homme sur la terre se compose de deux élémens: il y a 1) une existence intégrale et 2) une existence individuelle ou partielle.*

Toutes les fois qu'il agit dans l'intérêt momentané d'une partie de son être, sans avoir égard aux autres, il ne jouit que d'une existence individuelle.

Les actions, au contraire, qu'il entreprend par les déterminations combinées de tout l'ensemble de son être, de sa nature, de tous ses rapports, dans lesquels il est placé, appartiennent à son existence intégrale.

De ces deux élémens de la vie de l'homme l'existence intégrale (et primordiale), et la seule conforme à sa destination primordiale, c'est celle qui a été primitive.

I. Человѣкъ можетъ поступать по правиламъ разума, а не по однимъ впечатлѣніямъ; въ семъ состоитъ свобода воли. Она есть сила превозможенія правила надъ чувствами; — изъятіе отъ принужденія.

II. Правилами образуются склонности или нравы; въ семъ состоитъ нравственность дѣяній.

III. Правила, а слѣдовательно, и нравственность могутъ быть худы или добры.

IV. Достоинство правилъ, и слѣдовательно, нравственности, опредѣляется сообразностію ихъ съ бытіемъ человѣка.

V. Нравственное бытіе есть двояко: отдѣльное и совокупное.

Свойства бытія того и другаго.

I. Человѣкъ есть существо нравственное, то есть, имѣющее свободу и потому могущее себя вести не по однимъ чувственнымъ впечатлѣніямъ, но и по склонностямъ, кои болѣе или менѣе имъ же самимъ и образуются; сіи склонности называются нравами.

II. Правила сперва суть истины; потомъ, когда разумъ ихъ одобрить къ исполненію, тогда они превращаются въ предметъ желаній, составляютъ склонности, нравы.

Когда истина превращается въ правило поведенія: тогда она становится долгомъ, и не требуетъ уже побужденій.

Всякое желаніе неисполненное, есть долгъ; но въ особенности долгомъ называется желаніе, основанное на правдѣ.

Совокупная сообразность всѣхъ нравственныхъ уваженій въ правилѣ поведенія, есть правда.

Сообразная совокупность всѣхъ законовъ природы, въ какомъ-либо предложеніи отрицательномъ или утвердительномъ, есть истина. Если хотя и одинъ законъ противенъ или несогласенъ, то предложеніе есть ложно.

Не союзъ общественный, но право державное основано на договорѣ, на присягѣ.

Присяга есть договоръ, коего *sanctio* есть вѣчное осужденіе.

Всѣ спасаются благодатию, то есть, одинъ никто самъ собою спастись не можетъ; спасаютъ его другіе, соединяясь съ нимъ во Христѣ. Христосъ спасаетъ; сіе соединеніе изображается помазаніемъ.

Ходи предо мною и будь непороченъ. Живи въ моемъ присутствіи, созерцай и будь весь въ общемъ союзѣ, *absolute, integer, la vie intégrale, consumatio*; будь моею славю.

Жизнь Божія есть слава. Жизнь отдѣльная, жизнь въ самомъ себѣ, есть жизнь ложная, болѣзнь въ тѣлѣ; истинная жизнь есть жизнь въ другомъ.

Жить есть:

1) *Assimilare, se reproduire*; таинственная сила сѣмени строить себѣ тѣло.

2) *Werden, состоять, искать состоянія, измѣненія своихъ чувствованій, быть чѣмъ-нибудь*; это дѣло души и дѣло духа; душа, коей существо есть измѣняться съ измѣненіями природы: быть зеркаломъ; дѣло духа, который непрестанно ищетъ что-нибудь сознать.

Богъ не живетъ первую жизнію потому, что онъ не умалается, и слѣдовательно, не можетъ себя воспроизводить.

Но живъ Господь; Онъ живетъ вторую жизнію: Онъ есть любовь; а предметъ любви въ другомъ; Онъ есть Духъ, а духу свойственно сознать, все сознаваемое, все возможное; а какъ міръ возможенъ, то бытіе его есть потребность духа столько же, какъ и потребность любви.

Сообщ. академикъ А. Э. Вычговъ.

II.

Дополненіе къ вчерашнему разговору.

1796.

Послѣ этого заголовка должны слѣдовать мѣсяць, число и годъ, когда написано было ниже помѣщаемое стихотвореніе, которое въ 1842 году списалъ я въ Новгородѣ у одного изъ учениковъ М. М. Сперанскаго. Къ сожалѣнію, этотъ списокъ затерялся гдѣ-то; въ памяти же удержались только тѣ стихи, которые сообщаются здѣсь. Самый разговоръ между Сперанскимъ и другомъ его П. А. Словцовымъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1796 году должна была рѣшиться судьба Сперанскаго: ему приходилось или согласиться на убѣжденія митрополита Гавріила вступить въ монашество, или послѣдовать предложенію вн. Куракина выйти въ свѣтское званіе. Изъ предлагаемаго стихотворенія видно, что чрезъ вступленіе въ монашество открывалось Сперанскому очень близкое архіерейство, которое, кажется, не могло не льстить 25-лѣтнему префекту александроневской семинаріи. Съ другой стороны и предложеніе вн. Куракина занять должность въ генераль-прокурорской канцеляріи представляло Сперанскому пріятные виды въ будущемъ. Все это, конечно, заставляло Сперанскаго немного подумать о своемъ положеніи и о своей будущности, сообразить выгоды и невзгоды, какія могли встрѣтиться ему на томъ или другомъ жизненномъ пути, и—своими думами подѣлиться съ своимъ другомъ.

Петръ Словцовъ, учитель въ тобольской и петербургской семинаріяхъ; въ первой училъ онъ философіи. Двѣ проповѣди его выставлены были завистію какъ доказательство тому, что онъ вольнодумецъ и человѣкъ вредный юношеству; посему послали его въ Валаамскій монастырь; настоятель донесъ о его жизни и образѣ мыслей съ самой лучшей стороны и его освободили. Слѣдовавшая затѣмъ служба у министра финансовъ опять прервана была неожиданно; графъ Румянцовъ вполне цѣнилъ высокія дарованія и честность его; но, самъ безкорыстный, Словцовъ считалъ и всѣхъ подчиненныхъ безкорыстными. Слѣдствиемъ было то, что по высочайшей волѣ 6-го мая 1808 г. отправленъ онъ былъ на службу въ штатъ Сибирскаго генераль-губернатора. Здѣсь (съ 1815 г.) онъ былъ директоромъ гимназіи, потомъ (до 1829 г.) визитаторомъ всѣхъ учебныхъ заведеній Сибири. Сперанскій былъ другомъ его до гроба. Это былъ одинъ изъ людей необыкновенныхъ († 1843 г.).

О Словцовѣ въ „Москвитиниѣ“ 1844 г. ч. 5, 385. ч. 6, 220. Со-

чиненія его: а) Похвальное слово царю Іоанну Васильевичу. Спб. 1807 г. б) Похвальное слово Минину и Пожарскому, Спб. 1806 г. в) Прогулка вокругъ Тобольска, М. 1834 г. г) Два Сципіона Африканскіе, М. 1835 г. д) Историческое обозрѣніе Сибири, ч. 1. 1838 г. Вторая часть вышла уже послѣ смерти его, Спб. 1844 г. е) Письма изъ Сибири въ 1814 г., Казань. 1815 г., весьма любопытны. ж) Въ рук. остается описаніе Черноморскаго края.

П. И. Саввантовъ.

Полно, другъ, съ фортуною считаться
И казать ей философскій взоръ;
Время съ разсужденіемъ разстаться,
Если счастье катитъ на дворъ.

Вѣтеръ вѣетъ вамъ благополучный:
Для чего-жъ сидѣть бы въ заперти?
Для чего вдаваться мысли скучной,
Что застанетъ буря на пути?

.....
Панатія хоть и на груди;
Вѣчно сердце станеть биться,
Хоть себя крестъ-на-крестъ огради.

Пестра мантия съ златыми расны
Хоть покроютъ стать твою и ходъ,
Но закроятъ-ли глаза невластны
Отъ плутовокъ-набожныхъ красоть,

Конъ въ церковь съ полными грудями
Ходятъ показаться женихамъ,
И, предъ образомъ куряся духами,
Отъ сердець приѣмлютъ фиміамъ?

Полно, другъ мой, мыслями ристаться;
Полно, сидя съ книгой, умъ копить;
Время, время съ пристанью разстаться
И по вѣтру парусъ распустить.

Какъ гальботъ твой по зыбямъ помчится,
Такъ причаль за борть и мой челнокъ.
Если валъ девятый и случится,
То ударъ мнѣ съ боку, чай, легокъ.

П. Словцовъ.

III.

Письмо В. Н. Каразина къ М. М. Сперанскому *).

Христось Воскресе! Подъ симъ заглавіемъ, всякой пишущій можетъ почитать себя равнымъ съ тѣмъ, кому онъ пишетъ. И для того я сиѣшу пользоваться столь благопріятнымъ временемъ, дабы не быть въ необходимости употреблять титуловъ милостиваго государя и превосходительства, которые, не знаю почему, дики для моего сердца писавши къ вамъ Михайло Михайловичъ!

Мы были друзья нѣкогда. Не одно письмо отъ васъ я храню: гдѣ вы меня... и единственнымъ, душевнымъ другомъ называете. Отъ чего все это перемѣнилось, и до такой крайности? (я разумѣю здѣсь не молчаніе ваше на какое-нибудь одно или два мои письма, между вами и Магницкими я умѣю дѣлать различіе; но напоминаю себѣ обѣдъ въ домѣ вашемъ, при которомъ я только у стола былъ, и при которомъ я увидѣлъ впервые, что вы меня изъ остатка лишь пристойности у себя терпите.) Отчего?... видно надобно искать тому причины въ обстоятельствахъ. Тщетно я ищу ея въ самомъ себѣ. Я могъ быть легкомысленъ, затѣйливъ, и пр. и пр. Но чоренъ, или съ другой какой стороны недостойнъ прежнихъ чувствованій вашихъ!... никогда.

Было время, въ которое чрезъ меня же о васъ, т. е. о истинныхъ вашихъ достоинствахъ **) едва-ль не впервые свѣдали: ибо я смѣлъ говорить о васъ съ тѣмъ жаромъ, къ которому дружба лишь способна, когда меня спрашивали о связяхъ моихъ. Это впротчемъ, какъ было до нынѣ, такъ и будетъ только одному Богу извѣстно.

Теперь дѣло не о томъ. Вы многомогущи; я имѣю прямую нужду въ пособіи.

Почестей и значенія мнѣ не надобно. До нынѣ, какъ вы видите, бывъ на свободѣ, и имѣя способности сдѣлать себѣ имя, я и тѣмъ не занимаюсь. Я ищу только безопасность семейственной жизни: и ея имѣть я не могу съ моими тяжкими долгами. Нажилъ я ихъ, не картами, не позорною жизнію, но предпріятіями въ пользу края моего рожденія и другими, вамъ извѣстными: такими, скажу опять, кои могутъ быть необдуманны, маловозможны и пр. и пр., но злонамѣренны, или низки!.. никогда Меня бросили на площади безъ всякаго милосердія! я издерживалъ на все, про все собственныя деньги,

*) Письма и сочиненія В. Н. Каразина см. въ „Русской Старинѣ“, изд. 1870 г., т. II, стр. 307—313; 532—566; изд. 1871 г., т. III, стр. 16—38; 330—335; 335—366; 700—718; 718—719; 719—722; т. IV, 68—79.

**) Не о лицѣ, которое конечно было уже извѣстно.

нахватывая ихъ гдѣ только могъ. Но послѣ моей отставки, на силу, изъ милости, выпросилъ мнѣ доброй князь Чарторыскій столько, чтобъ я могъ выѣхать изъ Петербурга, и къ тому, въ дополненіе, принужденъ я былъ еще заложить послѣдній перстень.

„До тебя-ли теперь?“ слышу. Вы не даете мнѣ договорить. Все знаю! но я вѣдь не подающія прошу. Я представилъ проектъ технической, полезной государству, можетъ быть полезнѣе всѣхъ тѣхъ, которые представлены были когда-нибудь. Вы можете узнать о немъ отъ Ив. Ив. Бахтина. Прося помощи не чрезвычайной, общей, изъ суммъ на этотъ предметъ нарочно назначенныхъ, я даю въ залогъ мое имѣніе, втрое стоющее сей суммы. Доказываю, что это вѣроятно. Вижу, что не сомнѣваются: но... хотять, требуютъ, чтобъ я открылъ весь мой секретъ. Какъ мнѣ рисковать имъ? Какъ мнѣ, не въ состояніи бывши надѣяться, что тѣже люди, до окончанія сего дѣла усидятъ на мѣстахъ, рисковать послѣднимъ средствомъ, которое мнѣ (въ случаѣ отказа) помощь отъ частныхъ людей доставить обѣщаетъ?

Можетъ быть довольно одного только вашего слова. Заставьте ихъ не искать затрудненія тамъ, гдѣ быть его не должно.

Ради Бога! позовите къ себѣ добраго моего Ивана Ивановича нарочно для меня. Поговорите съ нимъ съ четверть часа: отъ него вы узнаете и это, — и болѣе. Вѣроятно найдутся и другія средства, столько-жъ благородныя, помочь мнѣ. Лишь бы не служба, для которой я не гожусь, и которая для меня не надобна. (Исключая развѣ со временемъ одна ученая часть, и въ томъ мѣстѣ, которое я основалъ; и для того только, чтобы сколько-нибудь поправить испорченное).

Я васъ не убѣждаю. Да и что помогло-бы тутъ мое убѣжденіе!

Вы знаете исторію аглицкой Елисаветы и графа д'Ессекса. Елисавета — вы, Ессексъ — я; а письмо это то кольцо, которымъ онъ бы могъ спасти себя, еслибы послалъ его. Я его посылаю.

Если я писалъ только къ тайному совѣтнику, etc. etc. etc., а не къ человѣку... Богъ съ вами!

Апрѣля 18, 1810. Москва.

Примѣчаніе. Вас. Наз. просилъ пособія на учрежденіе селитровареннаго завода по новому, имъ открытому способу, обѣщавшему значительное удешевленіе селитры, производствомъ которой и поставкой въ казну тогда особенно занимались въ Малороссіи. Надѣялся, что не откажутъ по примѣру тому, какъ не отказали его тестю, Бланкеннагелю, просившему также пособія отъ казны на учрежденіе перваго въ Россіи свекло-сахарнаго завода. Объ акціонерныхъ компаніяхъ тогда и думать нельзя было, особливо человѣку безъ денежныхъ средствъ и покровительства. Письмо осталось безъ отвѣта. Послано было страховымъ.

Ф. Е.

Сообщ. Ф. В. Каразинъ.

6*